

«ЯЗЫК СОСТРАДАНИЯ» В ВЕДИЙСКОМ ЖЕРТВЕННОМ РИТУАЛЕ

Рассматриваются черты «магического» дискурса в речевой заклинательной практике ритуальных действий *śanti* ведийского жертвенного ритуала.

Ключевые слова: ведийский жертвенный ритуал, эмпатическая интеракция, дискурс, коммуникация, прагмалингвистика.

Магическая, или заклинательная, функция речи носит универсальный характер (см.: [Мечковская, 2000. С. 23]). Актуальность ее изучения обусловлена устойчивостью элементов религиозно-магического сознания и сохранением связанного с этим видом сознания внушительного по объему и значению так называемого «мифологического пласта естественного языка» [Лотман, Успенский, 2001. С. 530]. Благодатным материалом для изучения данной речевой функции являются веды – сакральные тексты древних ариев, воплотившие в своих мантрах и гимнах архаический ритуал жертвоприношения.

Для адекватного понимания текста названных памятников важно проникнуть в мир человека ведийского периода, понять его мироощущение, реконструировать систему ценностей и понятий. Необходимость такого подхода диктует и современная антропоцентрическая парадигма филологического исследования. В число основных объектов последнего, наряду с текстом и естественным языком, стал входить Homo Loquens (Человек Говорящий).

Для раскрытия темы, заявленной в нашей публикации, существенное значение имеет применение междисциплинарного подхода, в частности обращение к методам и данным религиоведения, психологии, лингвистики, этнографии, социологии и других гуманитарных наук.

Очевидно, что для понимания феномена жертвенного ритуала важно изучение его психологической подоплеки, ибо современный уровень исследования такого рода практики едва ли оставляет место для сомнений, что предметные и ролевые действия представляют исключительно ее внешнюю и второстепенную сторону, давая лишь поверхностное представление о сути происходящего.

Сюжет ведийского ритуала не просто публично разыгрывается с распределением «ролей», но, что намного важнее, переживается участниками действия. При этом именно лингвистический анализ текста вед служит почвой для дальнейшего психологического исследования ввиду традиционного обращения к речи и языку, по выражению Н. Хомского, как к «зеркалу разума», инструменту, дающему возможность изучать особенности мышления и эмоций.

Особый интерес с точки зрения психологии жертвенной практики представляет ее видимая амбивалентность. Действительно, с одной стороны, жертвенные действия связаны с насилием, невысказанным без проявления агрессии, но, с другой стороны, они неизбежно предполагают альтруизм, жертвенность, переживание сострадания. Количество исследований, посвященных последней, явно парадоксальной конституенте психоэмоциональной деятельности участников ритуального таинства, несопоставимо

меньше количества работ о ритуальной агрессии.

Ярким проявлением практики сострадания в ведийском жертвенном ритуале служит серия единообразных по содержанию фрагментов текста «Яджурведы» (веды *яджусов* ‘жертвенных формул’), получивших название *śanti* ‘успокоение’. Адресатами заклинаний выступают ритуальные предметы, подвергаемые в ходе церемонии насильственным действиям, под которыми ведийская традиция понимает нарушение целостности. Это не только жертва, но и дерево, срубаемое для жертвенного столпа, земля, раскапываемая для сооружения алтаря, зерно, которое перемалывается для жертвенного пирога, даже отдельные органы умерщвленной жертвы, например ее сальник. К каждому предмету жрец обращается в форме вокатива: *о дерево, о яма, о топор* (подробнее см.: [Hoens, 1951. P. 271–272]).

Психологическую основу упомянутых действий составляют элементы эмпатического взаимодействия участников таинства с его объектами на основе хорошо известного феномена анимистического сознания, в котором сакральные предметы ритуала олицетворялись, одухотворялись и обожествлялись, что и позволяло участникам действия идентифицировать их как объект эмпатии. Чрезвычайно характерное для знаменитой своим психологизмом ведийской духовной традиции переживание эмпатии по отношению к различным ритуальным объектам со временем получает свое осмысление на философском уровне и возводится в принцип *tat tvam asi* (‘ты есть то’).

Под эмпатией в психологии и психоанализе понимают «процесс контактирования с внутренним миром другого посредством воображения, настройка на вчувствование и постижение нюансов его переживания и личностного смысла» [Ягнюк, 2003]. «Быть в состоянии эмпатии, – пишет К. Роджерс, – означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения “как будто”. Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает» [Rogers, 1975. P. 2]. Иными словами, эмпатия предполагает способность к сопереживанию, сочувствию, реализуясь

благодаря умению поставить себя на место другого.

Вместе с тем важно обратить внимание на опыт разработки в современной психологии методов эмпатической коммуникации. Внимания заслуживает именно взаимный характер такой интеракции, «способность понимать и проникать в мир другого человека, а также передавать ему это понимание» [Иган, 2000]. Целью такого взаимодействия является использование терапевтического потенциала эмпатии: «Адекватная эмпатия вызывает у клиента чувство, что его услышали, поняли ту или иную личностно значимую для него область внутреннего опыта, что, как правило, приводит к эмоциональному облегчению и обретению смысла» [Ягнюк, 2003]. При этом практикующими психологами и психотерапевтами особое внимание уделяется не только способности понять чувства клиента, но и умению достоверно и ясно *передать* ему свое понимание, в том числе и на вербальном уровне, так как без этого искомый терапевтический эффект не может быть достигнут. Неудачная формулировка может привести даже к негативным последствиям, например к переживанию непонятости, отчаяния, одиночества или к агрессии.

В этой связи интерес вызывают характерные особенности соответствующего дискурса ввиду явной близости последнего по своей прагматике упомянутым фрагментам текста ведийского ритуала. По аналогии с известным в лингвистике понятием «язык вражды» (англ. *hate speech*, букв. «речь ненависти») ¹, с учетом справедливого замечания о том, что данный феномен точнее было бы определить не как «язык вражды», а как «речь вражды» [Денисова, 2009. С. 8], условно назовем обозначенный дискурс «языком сострадания».

Вербальное воздействие на жертвенный объект связано с представлением о магической силе слова заклинания, способного материализоваться и преобразовывать действительность. В основе таких представлений видят «неконвенциональную трактовку языкового знака», когда слово рассматривается не как условное обозначение предмета, а как его органическая часть [Мечковская, 2000. С. 22]. Таким образом, заклинание в мифопоэтическом сознании человека ведийского периода призвано магически преобразовы-

¹ Подробнее об этом см.: [Кузнецова, Соколова, 2004].

вать ритуальный объект силой священного слова.

Желательное и повелительное наклонения, в которых представлены заклинания, устраняют последние сомнения в том, что попытки речевого воздействия на объект в них действительно имеют место. В пользу этого свидетельствует и отмечаемый исследователями суггестивный стиль ведийских мантр.

Произносятся жертвенные формулы, направленные на «успокоение» ритуальных объектов, подвергаемых «насилию», а точнее, тех объектов, чья целостность нарушается в сакральном ритуале, жрец выполняет функции, генетически восходящие к шаманской практике. Как известно, одной из основных функций шамана являлось сопровождение души умершего или жертвы в иной мир. Для архаического сознания свойственна идея о том, что с физической смертью жертва, несмотря на трансформацию своей природы, покинув брэнную оболочку, не прекращает существования. При этом, по видимому, важным считалось передать ее адресатам жертвоприношения (ведийским богам) в максимально удовлетворительном «психологическом» состоянии. Для иллюстрации обратимся к тексту «Яджурведы», где имплицитно дается данное представление.

Когда жертвенное животное умерщвлено (путем удушения), совершается магический обряд «исцеления» (элиминации последствий насильственных действий): раны на его теле взбрызгиваются водой. При этом в тексте делаются некоторые комментарии (брахманы) и произносится следующее заклинание: *Когда животное убито, мучение поражает его праны* (органы дыхания. – М. В.). *Когда он* (жрец-заклинатель. – М. В.) *говорит: «Да не причинится вреда его голо- су, да не причинится вреда его дыханию», – так он освобождает его праны водой от мучения. Со словами: «Где бы тебя ни ранили, где бы ты ни был остановлен* (т. е. убит. – М. В.), *оттого становись очищенным, украшай себя для богов», – так он сделал его не раненым, как бы его ни ранили, заставляя его уйти* (убив его. – М. В.), *что оно успокаивается* (МС III, 10, 1).

Важно обратить внимание на диалоговую форму заклинаний (ср.: «Где бы тебя ни ранили, где бы ты ни был остановлен, оттого становись очищенным, украшай себя для богов»). Ее выбор определяется свойст-

венной ведийскому сознанию презумпцией коммуникации в ритуале жреца-заклинателя, в данном случае с умерщвленной жертвой, в других – с иными объектами.

Именно презумпция коммуникации позволяет вести речь о прагмалингвистических аспектах данных фрагментов ведийского текста, а следовательно, рассматривать «использование средств разных языковых уровней для достижения поставленной цели общения» [Матвеева, 2010. С. 3], а также устанавливать ожидаемый отправителем интеракционный эффект на «получателя» сообщений.

Мы считаем, что, несмотря на очевидную интенцию сообщений, определяемую формой заклинания, – силой слова привести к магическим трансформациям объекта, – интеракционный эффект на адресата все же ожидается. Наше мнение основано, в частности, на употреблении обращений, которые, как считают, не только являются фатическими элементами коммуникации (т. е. предназначены для установления и поддержания контакта [Якобсон, 1975. С. 201]), но и рассматриваются как одно из средств влияния на сознание и поведение реципиента.

Еще более явный признак – использование эвфемизмов для понятий, связанных с насильственными действиями в отношении заклинаемого объекта. Так, лексема *han* ‘убить’ старательно избегается и заменяется в тексте эвфемистическими оборотами: *ā sthāpayati* ‘заставить остановиться’ и *gamayati* ‘заставить уйти’, а *śamitṛ* ‘успокоитель’ употребляется в тексте заклинаний по отношению к тому жрецу, который непосредственно умерщвляет животное. Эвфемизмы применяются и как десигнаторы для выражения таких понятий, как ‘умереть’, ‘схватить для принесения в жертву’, ‘привязать’ и др. Мы считаем, что употребление эвфемизмов исключительно для магических целей было бы избыточно, следовательно, они используются именно как средство, полагаемое адекватным для влияния на «эмоциональное состояние» адресата.

Проводя параллели с современной практикой терапевтического эмпатического взаимодействия, важно отметить обращение психотерапевта к эвфемизмам при вербализации им переживаний клиента с целью снятия нежелательного эмоционального эффекта актуализации травмирующих впечат-

лений. Использование эвфемизмов отражает оптимальную линию речевого поведения, осуществляемую путем ослабления напряжения в реальной речевой ситуации или смягчении смысла фразы, отражающей происходящее. Иными словами, эвфемизмы в данном дискурсе представляют элемент особой речевой стратегии, направленной на элиминацию негативной аффектации реципиента, что и эксплицируется в самих фрагментах ведийского текста *śanti* 'успокоение'. Ср. приведенный отрывок: *так он сделал его не раненым, как бы его ни ранили, заставляя его, что оно успокаивается.*

Конечная цель методики эмпатического взаимодействия терапевта с клиентом состоит в том, чтобы помочь пациенту сконцентрироваться на неосознанных травмирующих эмоциях и побудить его к дальнейшему их осмыслению и наиболее конструктивному переживанию.

Мы считаем, что отдельные черты описанной методики очень близки жреческой практике ведийского жертвенного ритуала и самим характером эмпатической интеракции, и даже отчасти ее целями, полагаемыми ведийской традицией: способствовать преодолению жертвой травмирующего перехода за грань жизни и смерти, сопровождать ее в этом пути, сочувствовать ей, облегчая ее страдания и утешая ее. Имеет место и некоторое совпадение отдельных приемов: отстраненная, смягченная эвфемистическими оборотами, но полная и точная вербализация происходящего: страданий, испытываемых жертвой.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- в ведийской заклинательной практике велика роль эмоционально-экспрессивного фактора;
- вербальная сторона рассмотренных ритуальных действий носит коммуникативный характер;
- ее основной интенцией является воздействие на адресата с целью элиминации последствий ритуального насилия;
- основной прием рассмотренной ритуальной практики – эмпатическое взаимодей-

ствие с адресатом коммуникации – на вербальном уровне выражается в подробном описании приписываемых жертве переживаний, смягченном наличием реноминативных приемов (эвфимизации понятий, связанных с насилием).

Список литературы

Денисова А. В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы (на материале «языка вражды»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 24 с.

Иган Дж. Базисная эмпатия как коммуникативный навык // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. № 1. URL: <http://psyjournal.ru/>.

Кузнецова В. В., Соколова Е. Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка: Докл. междунар. конф. Н. Новгород, 2004. С. 448–450.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера: Сб. науч. исслед. / Под ред. М. Ю. Лотмана. СПб.: Искусство – СПб, 2001. С. 525–543.

Матвеева Г. Г. Предисловие // Начала скрытой прагмалингвистики: Сб. науч. ст. / Под ред. Г. Г. Матвеевой. Ростов н/Д, 2010. С. 3–4.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000.

Ягнюк К. В. Природа эмпатии и ее роль в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. URL: <http://psyjournal.ru>

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Поляковой. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Hoens D. J. Śanti // I. Thesis. Utrecht: Univ. of Utrecht, 1951. P. 271–272.

Rogers C. R. Empathic: An Unappreciated Way of Being // The Counseling Psychologist. 1975. Vol. 5. No. 2. P. 2–10.

Материал поступил в редколлегию 23.02.2013

М. А. Voronkina

«COMPASSON SPEECH» IN VEDIC SACRIFICIAL RITE

The paper presents analysis of the «magic discourse» in the speech invocational practices in actions śanti of the Vedic sacrificial rite.

Keywords: Vedic sacrificial rite, empathic interaction, discourse, communication, pragmalinguistics.